

Большие истоки малого жанра

Я думаю, что мои мысли о Николае Баранове подсказаны самим же художником. Перечитывая его сокровенные воспоминания о времени и о себе, я невольно обратил внимание на слова, напрямую относящиеся к теме нашего разговора: «... графический жанр во Владимирской организации Союза художников долгое время отставал, не проявляя себя должным образом. Однако, начиная с 60-х годов, положение изменилось в лучшую сторону».

За точку отсчёта здесь, видимо, им была взята владимирская живопись, талантливые представители которой получили к тому далёкому теперь уже рубежу пятидесятых-шестидесятых скорую и шумную известность. Я полагаю, что начинающий художник, выступая как график, оказался в ту пору в своеобразном одиночестве. Предпочтение отдавалось яркому и звонкому цвету, чёрно-белая палитра отступала на задний план. Даже «суровый стиль», ставший в те годы знаменем времени, набирал всё более мажорные аккорды.

Но был ли это для Баранова творческий вакуум? С полувековой дистанции сегодня это выглядит не совсем так, тем более в свете любовно собранного и представленного его работами мало кому известного до сих пор так называемого «малого жанра», великолепно передающего дух той эпохи. Нелишне будет сказать, что художник созрел в горниле суровых послевоенных лет, полных житейских тягот и романтических надежд на обновление в искусстве. И так случилось, что тот мир, которым он жил тогда, оказался, в отличие от живописцев, принципиально «антигрупповым», а потому и трудным в самореализации. И, тем не менее, художник органично влился в поток шестидесятников, поскольку его симпатии были, несомненно, на их стороне. Но путь вперёд был более последователен и не столь радикален, чем у представителей владимирской школы живописи. Свой почерк он органично вписал в пространство и время эпохи. Этим наполнены не только те крупные «исторические» композиции, сюжетно соотносённые со временем, но и совсем маленькие работы этюдного характера. Это простые карандашные зарисовки с натуры и даже беглые наброски разных лет,

большей частью ранних, иногда небольшие штриховые вещи. Это своего рода спонтанный выброс его эмоций, осенений, восхищений и желаний, имевших характер творческих разрядок. О них и речь. Это тот владимирский антураж, без которого немислим был его мир, наполненный любимыми им людьми, старинными памятниками, уютными улочками, раздольем полей и лугов, видами хорошо знакомых городов и сёл.

Что можно акцентировать в творчестве этого художника под таким углом зрения? В первую очередь я бы отметил, что он был более «классичен» в отличие от своего окружения. Об этом красноречивее всего заявляет его, если так можно выразиться, «малое» наследие, о котором мы сегодня говорим. Это был зримо необходимый след его выхода в мир больших образов. Это та старая добротная традиция, которой он основательно придерживался. Глядя на его миниатюрные создания, сразу чувствуешь, что он превосходный рисовальщик, и это сразу позволяет включить его творчество в русло старого русского классического искусства. Похоже, он начинал со станкового рисунка. Для этого был добротный опыт академической учебы в Ивановском художественном училище, которое он закончил в 1960 году. К тому времени во Владимире станковый рисунок пребывал в забвении и совсем исчез как самостоятельный вид графики. Но именно тонкая трепетная линия карандаша или резца, берущая начало от самой непосредственности природы, открывала путь к отражению жизни самым тесным и живым образом. Прекрасное владение рисунком с натуры всегда придавало его листам свежее ощущение, что выгодно отличало Баранова от других графиков.

Другое, не менее важное, что представляется необходимым здесь отметить, – это удивительный микромир его произведений. В нём не простая обыденность и повседневность бытия, а высокое одухотворение жизни, найденное и переданное от самого первоисточника. Художник не вырывает образ из всего контекста, а сливает его воедино с ним. Вот почему так увлекательно рассматривать в его произведениях, как творится им поэтическая наполненность листа и быстротечным полётом рисунка, и глубоким аналитизмом штриховых линий. За всем этим – сложная глубина познаваемого мира. Храмы видятся как вековая память, хранящая нераскрытые тайны божественного мироздания. А люди загадочны и полны затаённых мыслей. Это большей частью всем известные люди – владимирские патриархи искусства и старины, полностью ушедшие в свои сокровенные раздумья – А. Варганов, В. Юкин, К. Бритов, А. Некрасов и многие другие.

Вообще, надо сказать, историзм – особый лейтмотив его творчества. Всё пребывает в определенности пространства и времени. Эти высокие философские категории Баранов вводит в мир владимирской жизни, соотнесённой со временем самого художника и с пространством, в котором он живёт сам. Ху-

Содержание

5	ВЛАДИМИРСКИЕ МОТИВЫ В ГРАФИКЕ ХУДОЖНИКА Н.М. БАРАНОВА. Вступительная статья А. Скворцова
10	ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА
16	УСПЕНСКИЙ СОБОР
22	ДМИТРИЕВСКИЙ СОБОР
32	УСПЕНСКИЙ СОБОР КНЯГИНИНА МОНАСТЫРЯ
38	ВЛАДИМИР ДРЕВНИЙ И ВСЕГДА МОЛОДОЙ
54	ИЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА. РИСУНКИ, НАБРОСКИ
58	В концертном зале: таланты и поклонники
62	В музее
68	На Сунгирских раскопках
70	На заседаниях
72	ДРУЗЬЯ, ХУДОЖНИКИ...